

ВИНА ДОЛЖНИКОВ В РИМСКОМ ПРАВЕ И ЕЕ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблема влияния римского права на правовую жизнь России пореформенного периода до конца не выяснена. Несомненно, что с XVIII в. в России началось взаимодействие с правовой культурой западной цивилизации. Во второй половине XVIII в. в России появляются образованные юристы, которые пытаются создать самостоятельную философию права, которая помогла бы им объяснить сходства и отличия русской жизни в сравнении с западноевропейской. Однако осуществить эту задачу русским ученым конца XVIII – первой четверти XIX в. не удалось.

В первой половине XIX в. в Российской империи складываются условия для утверждения и преобладания в правоведении исторической школы права¹. Необходимость обоснования нерушимости общественных институтов в период правления Николая I имела своим следствием значительное усиление интереса как к римскому праву, так и к собственной, российской истории права, к проблемам рецепции наследия римской юриспруденции в современной юридической науке. По проекту М. М. Сперанского ряд молодых людей был послан за границу для изучения западного права. С этого времени начинается новая эпоха в развитии русской юридической науки вообще и гражданского права в особенности. Исследователи, подобно представителям немецкой исторической школы, пытались восстановить состав фактов старой юридической жизни и осветить смысл историко-юридического развития России. Таким образом, до конца 70-х гг. XIX в. правовые исследования российских ученых в гораздо большей степени касались истории права, в том числе римского, нежели основных институтов современной им правовой системы.

Однако именно в это время гражданское право в Российской империи выделяется в самостоятельное направление и отдельный предмет преподавания в университетах. Поскольку данные события совпали с появлением Свода законов Российской империи, универсальность римского права создавала благоприятные условия использования его в правовой системе России.

¹ См.: *Шершеневич Г. Ф.* Наука гражданского права в России. Казань, 1893. С. 22–25.

Особенно заметным заимствование норм римского права явилось в сфере договоров и обязательств. Не случайно ряд российских юристов применительно к обязательственному праву признавал полнейшее господство римского права². Действительно, несмотря на то, что судебная реформа 1864 г. стала отправной точкой для поворота внимания российских юристов в направлении исследования современного им права, все исследования, касающиеся обязательств, продолжали посвящаться римскому, а не российскому праву³.

Данные обстоятельства предопределили подход российской гражданско-правовой доктрины к определению понятия вины должника, нарушившего договорное обязательство. Несомненно, российское гражданское право с сер. XIX в. пошло по пути романо-германских стран и признало одним из существенных условий ответственности по договорным и внедоговорным обязательствам вину лица, не исполнившего своего обязательства, или причинителя вреда. Обращение к проблеме вины в римском праве показывает следующее.

По мнению римских юристов, для приведения в действие механизма ответственности должника недостаточно было одного лишь факта нарушения условий договора. Необходимы были вина, а также причинная связь между виной должника и убытками кредитора. „Является безнаказанным тот, кто причинил ущерб без вины“⁴. В римском праве не было выработано четкого общего понятия вины. Но из отдельных положений можно сделать вывод о том, что под виной (*culpa*) понималось несоблюдение того поведения, которое требуется правом. В частности, „если лицо соблюдало все, что нужно... то вина отсутствует“ (D. 9, 2, 30, 3).

Однако римские юристы детально проанализировали отдельные виды вины. Вина могла найти выражение либо в форме умысла (*dolus*), либо в форме неосторожности (*culpa*). Умысел отражает ситуацию, когда должник предвидит последствия своего противоправного поведения (действий или бездействия) и желает этих последствий. Таким образом, его действие, противоречащее праву, выражает его волю. Следовательно, оно виновно в *dolus malus* (злом намерении).

Неосторожность (небрежность) предполагает ситуацию, когда должник не предвидел, но должен был предвидеть эти последствия. Источники римского права различали несколько степеней вины в форме неосторожности (небрежности), то есть *culpa* в узком смысле слова. Основные формы – это грубая вина (*culpa lata*), и легкая (*culpa levis*, или просто *culpa*).

Грубая небрежность предполагала, что должник не проявляет ту меру заботливости, которую можно требовать от всякого, а в его действиях (бездействии) проявляется „непонимание того, что все понимают“ (D. 50, 16, 213, 2).

Легкая вина различалась по абстрактному и конкретному мерилу. Римские юристы выработали тип заботливого и рачительного хозяина (*pater familias*), который служил меркой степени заботливости должника при исполнении им обязательства и в связи с этим степени его ответственности за вину.

² См.: Ляпидевский Н. Значение римского права // Юридический вестник. 1871. № 2. С. 63.

³ См.: Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 159.

⁴ Хутыз М. Х. Римское частное право. М., 1995. С. 115.

Когда в безвозмездных договорах должником не была проявлена мера заботливости, которую обыкновенно при подобных обстоятельствах обнаруживает средний человек (добрый хозяин, заботливый глава семьи), как его мысленно представляют себе законодатель и судья, – это выявляло признаки вины по абстрактному мерилу (*culpa in abstracto*). Если же должник не соблюдал степень прилежания, которую он соблюдал в собственных делах (*diligentia quam suis*), то он нес ответственность по конкретному мерилу (*culpa in concrete*). Конкретный масштаб при определении необходимой степени заботливости применялся по римскому праву лишь к определенным отношениям, возникающим на почве некоторых обязательств (опека, ответственность мужа за приданое)⁵.

На должнике лежала обязанность отвечать перед кредитором за убытки, происшедшие оттого, что исполнение обязательства в целом или отчасти сделалось невозможным по его вине. Эта обязанность должника в римском праве считалась до такой степени безусловной, что соглашение об освобождении от нее считалось недействительным как безнравственное, хотя соглашение о прощении убытков, уже причиненных должником, допускалось.

В случае умышленного неисполнения обязательства ответственность наступала всегда. Данное положение носило императивный характер и не могло быть устранено соглашением сторон: „...недействительно соглашение об устранении ответственности за умысел“⁶. Грубая небрежность приравнивалась к умыслу в договорах „доброй веры“, т. е. должник возмещал убытки, причиненные им вследствие нарушения как возмездных, так и безвозмездных соглашений⁷. Ответственность должника за убытки, происшедшие от неисполнения им обязательства вследствие *culpa levis*, определялась, как правило, по абстрактному мерилу. При этом ответственность определялась не всегда одинаково, т. е. иногда ее объем увеличивался, а иногда, напротив, уменьшался.

Прослеживается зависимость ответственности лица от меры получаемой им выгоды от договора. Отправным пунктом при этом была заинтересованность в договоре той или иной стороны. Увеличение ответственности возможно было для тех лиц, которые сами „навязались“ на заключение какой либо сделки, уменьшение ответственности – в договорах обоюдного интереса или интереса должника⁸. По правилу Ульпиана там, где договор клонится к выгоде кредитора, должник обязан радеть о его праве и имуществе не более того, как радеет о своем, т. е. отвечает лишь за тяжкую вину. Там же, где договор клонится к выгоде обеих сторон, должник обязан радеть о предмете исполнения великим хозяйским радением и, следовательно, отвечает и за малую вину. Там, где договор клонится к выгоде

⁵ См.: *Хвостов В. М.* Система римского права: Учебник. М, 1996. С. 193.

⁶ Римское частное право. Учебник / Под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 1996. С. 350.

⁷ См.: *Хутыз М. Х.* Указ. соч. С. 116.

⁸ См.: *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. 2-е изд. СПб., 1901. С. 124.

должника – там он обязан радеть об имуществе со всевозможным попечением, даже больше, чем с хозяйским радением, и отвечает и за самую малую вину⁹.

Так, в договоре ссуды (*commodatum*) заинтересованная сторона – ссудополучатель – несла ответственность за всякую вину со своей стороны (*omnis culpa*). В случае повреждения или гибели вещи ссудополучатель отвечал также и за легкую небрежность.

К величайшей внимательности и заботливости римское право также обязывало поверенных, которые отвечали перед доверителем за всякое небрежение¹⁰. В договоре поклажи (*depositum*) заинтересованной стороной является поклажедатель, поэтому на поклажепринимателе подобная ответственность не лежала. С учетом особенностей данного случая он отвечал только за *dolus* и *culpa lata*. Напротив, от поклажедателя можно было требовать ответственности за *omnis culpa*. То есть он отвечал и за простую, легкую небрежность¹¹.

В случае договора товарищества (*societas*) партнеры отвечали друг перед другом только за такую внимательность и заботливость, которую они проявляют в своих собственных делах, то есть за *culpa in concreto*. „...Для избежания упрека в наличии вины товарищу достаточно проявить относительно общих интересов такое же радение, какое обыкновенно прилагает к своим собственным интересам. Лицо, пригласившее недостаточно внимательного товарища должно само на себя пенять“¹² (I. 3, 25, 9). Это означает, что ответственность за обычную небрежность договорившиеся стороны несли только перед посторонними.

В договоре купли-продажи (*emptio-venditio*), если вещь не была тотчас же передана должнику, то и право собственности на нее не переходило. Следовательно, если вещь погибла или ухудшилась по вине продавца, то он нес ответственность. Однако, если вещь погибла без его вины, продавец не нес ответственности и мог требовать от покупателя уплаты цены за вещь, которую он не доставил. „Таким образом, смерть раба, телесные его повреждения, разрушение дома... унос течением реки всей земли или части ее, затопление или гибель деревьев от бури – всякий такой ущерб отражается на покупателе, который обязан произвести платеж, хотя бы купленной вещи он еще не получил“¹³ (I. 3, 23, 3).

Для возникновения деликтных обязательств согласно закону Аквилія (*lex Aquilia*) не требовалось, чтобы вред был причинен умышленно (*dolo*), достаточно было простой небрежности (*culpa levis*). Однако наличие вины констатировалось только в том случае, когда имело место повреждение вещи.

В римском праве должник не отвечал за неисполнение обязательства, следовавшее от случая (*casus*). По общему правилу, за случайную гибель или повреждение вещи никто не отвечал. Должник освобождался от ответственности, если предмет обязательства – индивидуальная вещь (*species*) – погиб физически или

⁹ См.: Победоносцев К. Курс гражданского права. Ч. III. Договоры и обязательства. СПб., 1896. С. 142.

¹⁰ См. там же. С. 478.

¹¹ См.: Покровский И. А. История римского права. Пг., 1917. С. 325.

¹² Институции Юстиниана / Пер. Расснера. М, 1998.

¹³ Там же.

изменился таким образом, что стал неспособным выполнять свое назначение, притом без вины в этом должника. Например, если предметом обязательства являются „определенные монеты, например, находящиеся в данной шкатулке, и они погибли без вины должника, то ничего не причитается“ (D. 45, 1, 37). Невозможность исполнения могла быть и юридической. „Если я продал чужого раба, а он хозяином отпущен на волю, то я от обязательства освобождаюсь“ (D. 46, 3, 98, 8).

Кроме простого случая (*casus*) существовало также понятие непреодолимой силы (*casus maior*) как чрезвычайного, необыкновенного случая, которому невозможно было противостоять: пожар, наводнение, землетрясение, кораблекрушение, моровая язва, вторжение неприятеля, нападение разбойников и т. п. Но и из этого правила были исключения, когда ответственность все же возлагалась на должника. Это имело место, во-первых, когда *casus*, сделавший невозможным исполнение обязательства, наступил по вине должника: „Но и при непреодолимой силе должник несет ответственность, если к делу примешивается его вина“ (D. 44, 7, 1, 4). В Дигестах есть соответствующий пример: „с моей крыши ветром снесло черепицы, и они нанесли ущерб соседу. Сила ветра есть сила божественная“. Но если кровельная работа выполнена неквалифицированно, то констатируется вина, являющаяся основанием ответственности должника (D. 39, 2, 24, 4)¹⁴.

Во-вторых, для должника наступали важные последствия во время просрочки исполнения обязательства (*mora*). Они заключались в его обязанности возместить кредитору убытки, уплатить проценты и предоставить полученные плоды. В данном случае должник был обязан отвечать даже за случайную гибель или ухудшение вещи, составляющей предмет обязательства. Таким образом, просрочка исполнения усиливала ответственность должника. Однако для того, чтобы могли наступить такие последствия просрочки, требовалось, чтобы неисполнение обязательства в установленный срок имело место по его вине. Исключалась ответственность должника, если кредитор по тем или иным причинам отказывался или был неспособен принять исполнение. От кредитора же требовалось сделать должнику напоминание о необходимости исполнения обязательства¹⁵.

В-третьих, должник не освобождался от ответственности, когда в силу случайных обстоятельств не исполнялось обязательство, предметом которого были деньги или вещи, определяемые родовыми признаками.

В-четвертых, ответственность должника имела место в случаях, когда, действуя в чужом интересе, он обращался к занятию такими новыми предприятиями, которыми хозяин обыкновенно не занимается¹⁶.

Согласно римскому праву стороны сами могли договориться об ограничениях пределов своей ответственности, исключив категорию неосторожности как основание вины. Они могли, напротив, расширить пределы ответственности, установив ее независимо от вины. При этом, однако, установление ответственности за *casus maior* не допускалось.

¹⁴ См.: Хутыз М. Х. Указ. соч. С. 117.

¹⁵ См.: Омельченко О. А. Основы римского права. М., 1994. С. 194.

¹⁶ См.: Анненков К. Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. 2-е изд. СПб., 1901. С. 124.

Ответственность могла наступать без вины и в силу правовой нормы, независимо от соглашения сторон. Так, портной, принимающий платье в починку или утюжку, отвечал за сохранность вещи. Такую же ответственность несли владельцы судов и хозяева гостиниц: согласно Институциям Юстиниана заведующий кораблем, трактиром, постоялым двором был ответственен за убыток, умысел, кражу, имевшие место на корабле, в трактире, на постоялом дворе. Таким образом, охрана вещи (*custodia*) служила основанием ответственности должника за действия третьих лиц, ему подчиненных¹⁷. Хотя по общему правилу каждый должен был отвечать за убытки, происшедшие от неисполнения обязательств только по его собственной вине.

Изложив понимание вины должника в римском праве, обратимся к анализу российского законодательства второй половины XIX – нач. XX в.

Документы Свода законов Российской империи не давали достаточно конкретных представлений об ответственности должников.

Статьи 569 и 570 ч. 1 т. X Свода законов, касающиеся исполнения договоров, вообще предоставляли кредитору право требовать то, что постановлено в договоре. Не ставила в зависимость от вины ответственность должника и статья 1536. Закрепленные в этих статьях нормы предполагали, что договоры должны быть исполнены несмотря ни на что. По мнению одного из ведущих российских цивилистов К. Анненкова, эти статьи „слишком безусловны, так как в них не только не упоминается о зависимости ответственности должника за неисполнение обязательства от его вины или небрежности, как в праве римском... но по отношению исполнения обязательств договорных указывается, что договоры должны быть исполняемы в точности, не уважая побочных обстоятельств, т. е. как бы обстоятельств внешних, посторонних, в наступлении их от воли должника не зависящих. На самом деле, однако, возложение на должника безусловной ответственности за неисполнение обязательства, последовавшего даже не по его вине или небрежности, а от случая или непреодолимой силы, представляется до такой степени несправедливым, что нет ничего удивительного в том, что едва ли не все наши цивилисты, несмотря на существование в нашем законе означенных постановлений, высказались за невозможность и у нас возложения на должника такой безусловной ответственности за неисполнение обязательства“¹⁸.

В отсутствие законодательных постановлений вопросы виновности должников решались практически. Сенат при толковании ст. 569 и 570 признал, что безусловное присуждение должника к исполнению обязательства или к ответственности за неисполнение, безотносительно к обстоятельствам было бы несправедливым¹⁹.

¹⁷ Хутыз М. Х. Указ. соч. С. 116–117.

¹⁸ Анненков К. Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. 2-е изд. СПб., 1901. С. 135.

¹⁹ Генкин Д. М. К вопросу о влиянии на обязательство невозможности исполнения // Памяти Габриэля Феликсовича Шершеневича. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М., 1915. С. 124.

Кроме того, на освобождение должника от ответственности при невозможности исполнения договорных обязательств указывал целый ряд отдельных постановлений Свода законов Российской империи. Так, согласно ст. 1689 ч. 1 т. X условие о продаже уничтожается, если неявка к совершению акта обусловлена лишением свободы, болезнью, лишаящей возможности отлучиться из дома, смертью родителей, внезапным разорением. Таким образом, речь идет о непреодолимых, внешних препятствиях (*vis maior*) к самой явке к совершению акта, освобождающих должника от ответственности.

При этом следует отметить, что в российском законодательстве недостаточность имущества должника для удовлетворения кредитора, даже если она имела место вследствие независимых от него случайностей, не считалась невозможностью исполнения обязательства. В связи с этим вопрос о невозможности исполнения совсем не возникал в тех обязательствах, исполнение которых зависело единственно от достаточности имущества должника. Таковы все обязательства, имеющие предметом деньги и вообще вещи заменимые.

Невиновность должника, обусловленная чрезвычайными обстоятельствами, вытекает и из ряда других статей российских законов. Например, от платежей за наем корабля под груз освобождался должник, потерпевший вред по причине бури, разбойников, притеснений в иностранном порту (ст. 349 Устава торгового – ч. 2 т. XI Свода законов Российской империи). Статья 1205 ч. 1 т. X Свода законов также касалась случаев влияния на обязательство непреодолимой силы. В ней устанавливались основания освобождения от ответственности не исполнившего договор поклажепринимателя: отнятие или повреждение вещи или денег насильно или каким-либо „чрезвычайным приключением“. Статья 2106 ч. 1 т. X Свода законов уточняла подобные случаи: пожар, наводнение, похищение. В принципе, кроме прямо указанных в российских законах обстоятельств, освобождающих должника от ответственности, таковыми могли быть признаны и другие факты, имеющие характер непреодолимого препятствия.

Поклажеприниматель освобождался от ответственности и в том случае, если мог спасти вещи, но не иначе, как со значительными потерями для собственного имущества (ст. 2105 ч. 1 т. X), однако, если только не будет доказано, что чрезвычайные обстоятельства были вызваны его нерадением (ст. 2106 ч. 1 т. X). Таким образом, невозможность исполнения в данном случае, как и в римском праве, рассматривается в связи с вопросом о виновности должника и освобождении его от ответственности в отсутствие вины. Однако при этом так же как и в римском праве необходимо было доказательство невиновности должника (ст. 2106, 2117 ч. 1 т. X).

Причиной освобождения должника от исполнения обязательства согласно российскому законодательству могла стать гибель предмета обязательства или невозможность совершить соответствующее действие. Например, Устав торговый (ст. 182 ч. 2 т. XI) прекращал договор общих хозяев судна, если оно истребится, разломается, или же будет захвачено насильно. Однако, в отличие от римского права, в российском законодательстве оставался открытым вопрос об ответственности должника при неполной, частичной гибели вещей.

По российскому Уставу о промышленности освобождался от ответственности рабочий (в случае договора найма на фабрики, заводы, сельскохозяйственные работы), если он был выслан по распоряжению властей, присужден к заключению, поступил на военную или общественную службу, делающие срок исполнения договора невозможным (ст. 63, 182 ч. 2 т. XI).

В отсутствие четких законодательных постановлений вопросы невиновности должника часто решались на практике. Например, в 1910 г. Сенатом было принято решение (№ 29) о том, чтобы освободить от взыскания наемной платы нанимателя помещения, оставившего его до срока найма из-за происшедших вокруг дома погромов. При этом помещение оставалось целым²⁰. Таким образом, российское законодательство предусматривало как объективные, так и субъективные причины освобождения должника от ответственности.

Следует также обратить внимание на договоры поручительства. Согласно российским законам, если поверенный превышал свои полномочия, а доверитель соглашался со сделкой, поверенный не нес ответственности. Однако в российской судебной практике доверитель не обязан был платить неустойку по заключенному поверенным контракту, если в доверенности не было права заключать контракты с неустойкой²¹.

Практика российского законодательства определяла вознаграждение за вред и убытки по мере вины. От степени вины зависел штраф за уклонение от исполнения обязательств. Виновный должен был не только возместить убытки, но и вознаградить субъекта, чьи права были нарушены. Необходимость выплаты неустойки определялась законом или по взаимному соглашению частных лиц (ст. 1573 ч. 1 т. X).

Однако представление о степени вины в российском законодательстве было достаточно расплывчатым. Так, в отношении договора ссуды (ст. 2068 ч. 1 т. X) российский законодатель указывал, что ссудополучатель обязан был беречь имущество и отвечать за нерадение. Однако до какой степени должно было простираться „радение“, закон не определял. Как правило, судебная практика не ставила в вину должнику порчу вещи от самого ее использования или случайно, независимо от его воли²².

Вместе с тем можно говорить о восприятии российским законодательством из римского права понятия вины по конкретному мерилу. В частности, ст. 2105 ч. 1 т. X обязывала поклажепринимателя безвозмездно заботиться о целостности и сохранности вещи, со старанием, какое он прилагает к собственному имуществу.

Как и в римском праве, усиливала ответственность должника просрочка исполнения обязательства. Должник отвечал даже за случайную гибель вещи, если она произошла „уже после отказа на первое о возврате поклажи требование“ (ст. 2105 ч. 1 т. X). В реальной российской практике это означало, что кредитор должен был доказать факт требования исполнения, которого не последовало, а должник по

²⁰ См.: *Генкин Д. М.* Указ. соч. С. 123.

²¹ См.: *Победоносцев К.* Указ. соч. С. 490.

²² См. там же. С. 330.

присуждению суда обязан был выплатить неустойку со времени просрочки²³. Следует отметить, что на практическую деятельность судей, адвокатов, кассационных департаментов Сената в России 70-х гг. XIX в. было велико влияние К. П. Победоносцева – видного политического деятеля, юриста, преподавателя гражданского права Московского Императорского университета²⁴. По его мнению, если должник уклоняется от исполнения тогда, когда наступил срок исполнения, то он виновен в неисполнении и может быть принужден как к исполнению, так и к платежу штрафа. Но по справедливости должник должен освобождаться от исполнения обязательства в тех случаях, когда внешние обстоятельства делают это безусловно невозможным. Точно так же и при двусторонних обязательствах: договор должен подлежать прекращению в случаях невозможности его исполнения одной из сторон по причине наступления указанных обстоятельств²⁵.

Таким образом, несмотря на то, что в российском законодательстве не было прямо и четко выражено понятие вины должника, из отдельных его постановлений, а также практики применения можно вывести, что, как и в римском праве, ответственность должника зависела от его вины.

Что касается деликтных обязательств, то по российскому законодательству ответственность за причинение вреда не предполагала обязательного наличия умысла, достаточно было простой неосторожности. Согласно ст. 647 ч. 1 т. X ответственность не наступала за действия случайные, „учиненные не только без намерения, но и без всякой со стороны учинившего неосторожности“. Однако, поскольку выявить практически действия случайные в гражданском смысле было сложно, российское законодательство предусматривало ответственность, по сути, за любые неосторожные и случайные действия: „Всякий обязан вознаграждать за вред и убытки, принесенные каким-либо деянием или упущением, хотя бы сие деяние и упущение не составляли ни преступления, ни проступка...“ (ст. 684 ч. 1 т. X). Основанием такой усиленной ответственности, по мнению российского цивилиста Д. И. Мейера, являлось то, что „ограничение ответственности умыслом и неосторожностью было бы несправедливо по отношению к пострадавшему, так как, с одной стороны, иногда рождается подозрение в виновности лица, нанесшего ущерб, с другой, – трудно это доказать, так как в большинстве случаев фактическая их сторона ускользает от наблюдения и надзора пострадавшего“. А само понятие неосторожности, по мнению ученого, – „чрезвычайно тягучее и неопределенное“²⁶. Таким образом, в российской практике нарушивший сферу чужого права часто должен был вознаграждать потерпевшего и при отсутствии вины.

Российские законы не определяли ответственности лица, действовавшего по праву, предоставленному законом. В практике Сената неоднократно подтверждалось, что „пользование своими правами, если от них происходят для другого вред и убытки, может избавлять от обязанности вознаграждения таковых только тогда,

²³ См.: *Победоносцев К.* Указ. соч. С. 147.

²⁴ См.: *Шершеневич Г. Ф.* Указ. соч. С. 87.

²⁵ См.: *Победоносцев К.* Указ. соч. С. 280.

²⁶ Русское гражданское право. Чтения Д. И. Мейера, изданные по запискам слушателей / Под ред. А. И. Вицина. Издание 8-е с испр. и доп. А. Х. Гольмстена. СПб., 1902. С. 178–179.

когда сами эти права будут законные, и пользование ими не выходит из законных пределов“. Однако по вопросу о границах законных прав в судебной практике часто существовали противоположные взгляды. Сенат так и не смог выработать общее основание для разрешения вопроса о закономерности различных действий при осуществлении субъективных прав²⁷.

Согласно ст. 671, 673, 685 ч. 1 т. X ответственный за повреждение имущества должен был уничтожить объект, продолжающий наносить вред (мельница, шлюз, плотина, застава и т. п.), а также заплатить за истребленное, привести за свой счет поврежденное имущество в прежнее состояние и вознаградить хозяина за убытки.

За вред от внешних обстоятельств по российскому законодательству никто ответственности не нес, однако, как и по римскому праву, только в том случае, если эти внешние обстоятельства не были вызваны действием лица.

Согласно российскому закону предполагалась ответственность родителей за действия их несовершеннолетних детей (ст. 686 ч. 1 т. X). Таким образом, предполагалось, что во власти лица было предупреждение этих действий, и на нем лежала обязанность это сделать. Следовательно, допущение причиняющего вред поведения служило основанием ответственности. При этом не различалось, с пониманием или без понимания действовал несовершеннолетний. В том случае, если родители могли доказать, что не имели средств к предупреждению действий детей, то убытки взыскивались с имущества малолетнего. Аналогичным образом владелец животного отвечал за вред, причиненный последним, если было доказано, что принятые им меры предосторожности были явно недостаточны (ст. 688 ч. 1 т. X).

В конце XIX в. в России начинается новый период в разработке и исследовании русского и римского права. Для многих российских цивилистов становятся очевидными несовершенства русского гражданского права, необходимость пересмотра как самой его системы, так и отдельных институтов. По мнению К. Д. Кавелина, гражданское право современной ему России представляло собой „ветхую храмину... искусственно сложенную из обрывков римского права, в разные эпохи и много раз подправленную и кое-как прилаженную к новым постройкам“²⁸.

В связи с этим в 1882 г. российское правительство приняло решение о создании нового гражданского уложения и назначило для этих целей специальную комиссию. Разумеется, это вызвало оживленную научную дискуссию среди специалистов как по общим, так и по частным вопросам гражданского права. Существенно активизировало интерес к римскому праву и отмечавшееся в 1904 г. столетие принятия французского Кодекса Наполеона.

Поскольку российские цивилисты того времени сходились во мнении, что необходимым условием ответственности за неисполнение обязательства является вина должника в неисполнении, а четких представлений об этом в предшествующую

²⁷ См.: *Доманжо В. П.* Вопрос об ответственности за вред, причиненный при осуществлении права в проекте нашего гражданского уложения // Памяти Габриэля Феликсовича Шершеневича. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. М., 1915. С. 320.

²⁸ *Кавелин К. Д.* Права и обязанности по имуществам и обязательствам. – В кн.: *Кавелин К. Д.* Собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1900. С. 863.

щем российском законодательстве не существовало, обсуждение понятия вины должника в неисполнении обязательства и влияния факторов, связанных с наличием или отсутствием вины, на ответственность по обязательствам оказались в центре внимания российских правоведов при подготовке проекта Гражданского уложения.

В результате в Проекте появилась ст. 1650, предусматривающая, что должник отвечает за убытки, причиненные верителю неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, если не докажет, что исполнение обязательства целиком или в части сделалось невозможным вследствие такого события, которого он, должник, не мог ни предвидеть, ни предотвратить при той осмотрительности, какая требовалась от него при исполнении обязательства (случайное событие).

В материалах Редакционной комиссии по составлению Проекта Гражданского уложения говорилось, что вина должника явствует сама собою, если должник не исполняет обязательства несмотря на то, что имеет возможность исполнить его. „Вопрос же о том, не исполнил ли должник обязательство с умыслом причинить верителю убытки или без умысла, а лишь относясь безразлично к сознаваемому им невыгодному положению верителя, не получающего удовлетворения, не имеет никакого значения для имущественной ответственности“²⁹. Таким образом, наиболее важно было определить, является ли неисполнение обязательства следствием вины должника или же независящих от него обстоятельств.

В проекте Гражданского уложения был сделан акцент на то, что должник должен был предвидеть то, что может быть предвидено, т. е. предполагалась общая мерка для всякого должника независимо от его личных качеств и проявления воли. „Всякое обстоятельство, которое, при применении должником обязательной для него внимательности, могло быть им предвидено и предотвращено, подлежит вменению должнику в вину, ибо он должен был его предвидеть и предотвратить. Напротив того, обстоятельство непредвидимое и непредотвратимое при применении обязательной для должника внимательности, хотя бы оно могло быть предвидено и предотвращено, если бы должник отнесся к своему обязательству с большею внимательностью, нежели та, к которой он был обязан, следует признать случайным“³⁰. Следовательно, российские кодификаторы, опираясь на римское право, пытались ввести в законодательство понятие степени внимания, рачения, осмотрительности рачительного, заботливого хозяина.

В качестве иллюстрации понимания российскими цивилистами факторов, ослабляющих вину должника, и грубой неосторожности может быть приведена ст. 2054 проекта Гражданского уложения: поверенный, исполняющий поручение безвозмездно, отвечает за убытки, причиненные лишь по грубой неосторожности.

Однако формы вины в российском законодательстве различались лишь применительно к отдельным видам обязательств. Что же касается общей части обязательственного права, то общим правилом признавалось то, что должник не

²⁹ Гражданское уложение. Проект. Т. 2. СПб., 1910. С. 242.

³⁰ Там же. С. 244.

подлежит ответственности за убытки, если обязательство не исполнено не по его вине, т. е. вследствие случайного события.

При подготовке проекта Гражданского уложения предметом обсуждения был и вопрос о презумпции вины должника, который формулировался российскими цивилистами следующим образом: „Обязан ли должник доказать, что неисполнение им обязательства произошло без вины с его стороны, или, напротив того, веритель должен доказать, что неисполнение подлежит вменению в вину должнику?“³¹. Российские цивилисты подчеркивали, что „этот вопрос разрешается в пользу верителя и против должника. Должник обязан доказать как невозможность исполнения, так и то, что она произошла не по его вине“. Кредитор-истец лишь тогда обязан доказывать вину должника-ответчика, когда вина является элементом того события, из которого произошло обязательство, а именно в случае деликтных обязательств³¹.

Таким образом, основанием для наступления ответственности должника в российском праве, как и в праве римском, являлась его вина. Исходной точкой для возложения ответственности по российскому законодательству было выяснение того, произошло ли неисполнение обязательства по вине должника или случайно. При этом, как и в римском праве, российское законодательство различало степень виновности должника, хотя четкого понятия вины и ее форм, как и в праве римском, выработано не было.

Должник обязан был, с одной стороны, не совершать какого-либо действия, могущего воспрепятствовать исполнению того, что составляет предмет обязательства, и, с другой стороны, – принять меры к тому, чтобы обязательство было исполнено. В тех случаях, когда должник совершал какое-либо действие, лишаящее его возможности исполнить свое обязательство, умышленная вина (*dolus*) с его стороны являлась сама собой. Причем вопрос о том, совершил ли должник указанное действие, повлекшее невозможность исполнения, умышленно или без умысла, не имел правового значения. Ситуация невозможности исполнения обязательства признавалась российскими правоведами в тех случаях, когда предмет исполнения уже после возникновения обязательства погиб, изъят из обращения, утрачен или когда должник был не в состоянии исполнить то действие, к которому он обязался.

Если же непосредственной причиной невозможности исполнения явились действия третьих лиц или силы природы, т. е. обстоятельства внешние, ставился вопрос о том, не было ли совершено со стороны должника какое-либо неосторожное действие, способствующее наступлению этих обстоятельств, и было ли им сделано все зависящее от него, чтобы предотвратить их наступление. Ответственность должника в этом случае вытекала из наличия вменяемой ему в вину неосторожности, состоящей в недостаточной внимательности его к своему обязательству, в совершении того, чего ему совершать не следовало, в нерадении о том, о чем заботиться он был обязан.

³¹ Там же. С. 245.

Исходя из анализа института вины в римском и российском праве, можно сделать вывод, что римское право оказало существенное влияние на российскую юридическую науку в сфере обязательственного права второй половины XIX – начала XX в. Именно пристальное изучение римского права способствовало формированию сильного класса российских юристов-цивилистов и оказало серьезное влияние на формирование юридического мышления, на законодательство и судебную практику Российской империи.